

Ольга Тустошинская

В РЕЖИМЕ
НЕРЕАЛЬНОГО
ВРЕМЕНИ

Ольга Пустошинская

В режиме нереального времени

«Автор»

2023

Пустошинская О.

В режиме нереального времени / О. Пустошинская — «Автор», 2023

Сашка — избалованная девочка-подросток, не знает отказа ни в чём. Её прабабушка в войну жила в оккупации, Сашке рассказы про это время безразличны. Зачем вспоминать то, что давно прошло? На летних каникулах она уезжает к бабушке погостить. Однажды, возвращаясь с прогулки, Сашка не узнаёт села: по улицам ходят немецкие солдаты в форме Второй мировой войны, стоят танки. Саша думает, что попала на съёмки фильма, но потом понимает: это не кино и не квест, она оказалась в прошлом.

Содержание

Пролог	5
В ссылке	6
Малахольная	11
Родня	16
Просто фантастика	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ольга Пустошинская

В режиме нереального времени

Пролог

Эту матерчатую зелёную сумку с прицепленными значками Алёнка нашла на поляне, на влажной после дождя траве; носком сандалии поддела находку, открыла замок. Внутри лежал новенький телефон – именно о таком она давно мечтала, наушники без проводов, дезодорант и остатки шоколада в оранжевой обёртке.

– Не отдам, не отдам! Она ничейная! – прошептала Алёнка, воровато оглядываясь, и прижала сумку к животу.

Обнаруженным в кармашке деньгам она быстро нашла применение: купила в сельском магазинчике фруктовый мармелад и рогалик, который тут же раскрошила на крыльце голубям. Ей нравилось смотреть, как птицы расталкивают друг друга, азартно склёвывают крошки, шумно вспархивают от резких движений рук и снова возвращаются.

Алёнка отряхнула ладони и побежала домой, там никого не было, к счастью. Шоколад она попробовала и выплюнула, выбросила в мусорное ведро: он был твёрдый, с какими-то примесями, почти несладкий.

Телефон не включался, наверняка разрядился полностью. Алёна сбегала в родительскую спальню, вынула торчащий из розетки мамин зарядник, попробовала вставить в разъём – получилось. Телефон ожил, завибрировал.

Радость Алёнки была недолгой: в дверях появилась мама, увидела мобильник, нахмурилась и закричала:

– Где ты это взяла?!

Алёнка испугалась, ногой запихнула сумку под стол.

– Соня дала поиграть, ей пока не нужно, – пролепетала она, и мама поверила, успокоилась, ушла на кухню подогревать обед.

Алёнка перевела дух, занялась телефоном. Открыла фотографии, и тревога царапнула сердце: с экрана улыбалась девочка с длинными светлыми волосами, Саша, которая пропала месяц назад. Тогда в селе поднялся большой переполох, приезжал следователь и всех выспрашивал. Значит, это её сумка...

«Раз в жизни повезло, а теперь придётся вернуть», – огорчилась Алёнка. Она нажала иконку микрофона на экране, раздался дрожащий, прерываемый всхлипами девичий голос: «Тому, кто меня услышит... когда-нибудь. Меня зовут Александра Кравцова. Сегодня со мной произошло что-то ужасное...»

Алёна с круглыми от испуга глазами прослушала сообщение до конца и бросилась на кухню.

– Ма-ам, это Сашин телефон! С ней случилось плохое!

Через несколько минут мать звонила в полицию и с руганью ворошила мусорное ведро в поисках шоколада и обёртки.

В ссылке

Сашка проснулась в полдень, что было для неё очень рано: обычно она поднималась после обеда. Не открывая глаз, нащупала телефон на табурете, приспособленном под прикроватную тумбочку. Единственная радость в этой дыре – телефон.

Пришло новое сообщение от Лизы школьной подруги: «Привет. Я на пляже, море такое тёплое! Ты как?» Сашка скривилась – глупый вопрос! – и, быстро бегая пальцами по клавиатуре, написала: «Сап! Прозябаю». Лиза тут же ответила весёлым смайликом. Хорошо ей смеяться, сидя на пляже под зонтиком и жуя персики. А здесь хоть умри.

Сашка была уверена, что к бабушке её сослали не просто так, а после того случая, когда она поскандалила с мамой. А ведь начиналось всё так мирно! Они смотрели фильм, развалившись на диване, и ели мороженое, мама – крем-брюле, а Сашка смаковала рожок с чёрной смородиной, который очень любила. Фильм закончился, и внезапно выскочил этот ролик, старый, Сашка его нечаянно включила.

– Оставь, оставь, – махнула рукой мама.

На экране толпа подростков Сашкиного возраста, едва ли старше пятнадцати-шестнадцати лет, скандировала лозунги. Им было весело: на лицах – улыбки, в руках – айфоны. Снимали себя и друг друга, чтобы после выложить в соцсетях, а для чего же ещё? Полиция вывела из толпы парня в светлой куртке и понесла к машине, довольно аккуратно понесла, но крупная надпись красным шрифтом говорила обратное, что задержание было максимально жёстким, и Сашка моментально поверила. Изверги, зачем так заламывать руки!

– Тупые малолетки, – поморщилась мама, – ремня им всыпать, протестунам.

Сашке стало обидно.

– А разве полиция имеет право заламывать руки? – вскинулась она. – Они ничего такого не делают. Вышли на мирный протест поддержать своего лидера.

– Это мирный протест в поддержку преступника?

– Он не преступник.

Глаза у мамы потемнели и стали почти чёрными.

– Ну-ну. Я смотрю, ты хорошо осведомлена. Неспроста этот ролик выскочил. Смотришь всякую дрянь.

– А что, мне и посмотреть нельзя?

Сашка не заметила, как перешла на повышенный тон. Её бесило, когда родители указывали, что делать, как будто ей пять лет, как будто мультик не тот выбрала.

– Я сама разберусь, что смотреть!

В комнату заглянул старшая сестра Настя, посмотрела исподлюбья.

– Хватит орать, я к сессии готовлюсь.

– А я-то что? Это ты маме говори, – огрызнулась Сашка, с тяжким вздохом поднялась и скрылась в своей комнате.

Это была только её комната, не пополам с сестрой. Спасибо родителям хотя бы за это. Здесь стояла кровать с маленькими цветными подушками, комод и письменный стол с креслом. Сашка сама с упоением украшала комнату: развешивала по стенам плакаты и свои рисунки, прикрепляла гирлянду на спинку кровати. Здесь был её мирок, специально устроенный только для хозяйки.

Сашка взяла мобильник и легла на кровать сверху покрывала, обняла подушку-игрушку, рыжего кота с крохотными лапками и болтающимся полосатым хвостом.

– Давай спокойно поговорим.

Опять мама. Сейчас будет нотации читать. Какая же она душная!

– Потом, я занята, – буркнула Сашка.

– Выкрой для меня хотя бы минутку своего драгоценного времени, – серьёзно сказала мама, но Сашка почувствовала ехидство. – Твой лидер, как ты сказала...

– Он не мой.

– Хорошо, пусть не твой. Он оскорбил пожилого человека, ветерана. Если бы твоего прадеда, который всю войну прошёл, обозвал этот хмырь, я бы его задушила своими руками. Да отложи ты телефон, когда я с тобой разговариваю!

Сашка закатила глаза, бросила телефон на кровать.

– И про парад Победы сказал, что он превратился в карикатуру.

– Это его мнение.

– Пусть он своё мнение оставит при себе! – вскипела мама. – Не думала, что моя дочь станет защищать негодяя.

– Ох, оставь меня в покое!

Хорошо, что отца дома нет, не то они бы вдвоём взялись за Сашку. У всех такие родители токсичные, или ей не повезло?

– Мы же с тобой в колонне шли в портретом прадеда. Саша, тебя же называли в его честь.

– Я не просила называть меня в его честь. Я вообще это имя ненавижу.

– Да прекрати дерзить! Прадед воевал, чтобы ты жила!

Сашке бы одуматься, но её понесло.

– Может, и лучше мы жили, если бы победила Германия. Вот вы все говорите: немцы звери, изверги... А я читала, что они были добрыми, даже хлебом и шоколадками детей угощали.

Мама побелела:

– Как ты можешь! Твоя прабабушка в оккупации жила! Сколько фашисты мирных убили, замучили и отравили! Я же рассказывала тебе, а ты – про шоколадку... Стыдно тебе должно быть, стыдно!

– А мне не стыдно. Это моё мнение!

Мама резко повернулась и вышла. Сашка притихла: из глубины дома донеслись приглушённые рыдания.

«Ну и пусть, – подумала она, – ну и пусть. Я сказала правду». И всё же на душе было противно и муторно, не следовало так говорить с мамой. Теперь она обидится и будет молчать, пока Сашка не извинится, или сделает ещё хуже – не возьмёт её в Сочи.

И действительно. Всего пара дней прошла, и отец сообщил, что поездка откладывается, потому что на работе кто-то заболел, а он ведь такой незаменимый. Ну конечно, повод нашли!

– Я столько ждала... давайте поедem без папы.

– Исключено. Поедем в августе все вместе, – отрезала мама.

Настя закончила учёбу, собралась с однокурсниками куда-то на отдых, и Сашка, даже не зная, что за турбаза и где, заволновалась:

– А я? И я хочу. Можно мне с Настей на турбазу?

Она не возьмёт, конечно, но попытка не пытка.

Сестра встала на дыбы:

– Ну вот ещё! Я тебя не возьму, у нас своя компания. Мам, скажи ей, пусть не пристаёт. Не хватало ещё нянчиться и сопли подтирать.

– В самом деле, Саша, никто с тобой возиться не будет. Уже всё решено: или едешь к бабане, или остаёшься дома.

– Да кем решено? Почему вы Насте всё позволяете, а мне нет? Что мне делать дома? Я со скуки умру.

– Мы с тобой поедem к бабане. Ей без деда теперь одиноко.

– Ты серьёзно?

Бабаня – это бабушка Аня, мамина мать. Так её Сашка звала в детстве, а потом стали повторять и другие. А что, прикольно, всё в одном слове.

Сашка попробовала многое: и обижалась, и кричала, и плакала, напускала на себя скорбный вид и дрожащим голосом спрашивала: «А может быть, я одна смогу в Сочи поехать?» Раньше это срабатывало, а сейчас почему-то нет.

– Мы поедем, но позже, в августе, – утешала мама, – бархатный сезон даже лучше. Смирись.

– А я хотела сейчас... – ныла Сашка, понимая, что ничего другого ей не остаётся, как смириться. – У бабани даже интернет не ловит.

– Вот это как раз хорошо. Отдохнёшь, перестанешь смотреть всякие глупости.

– Ну м-а-ам!

– Да шучу, шучу... Есть там вышка, связь хорошая.

Сашке у бабани жилось вольготно. Та позволяла засиживаться допоздна, спать сколько хочется; работой по дому и огороду не нагружала, Сашка сама вызывалась поливать из шланга помидоры и собирать в ведро пупырчатые, чуть колючие огурцы. Она радовалась, что мама передумала оставаться, сослалась на работу и уехала, иначе не видать бы Сашке такой свободы: мама не разрешала подолгу валяться в постели, сдёргивала одеяло, кричала, и Сашка в ответ тоже повышала голос. Бабушка её никогда не ругала и называла своей красавицей. Сашка фыркала: ну какая красавица? И уши не очень, и нос, и глаза, и фигура...

На самом деле лукавила: внешнеюстью она была довольна. Волосы, светло-русые, густые, любила и холила: мыла хорошим шампунем, ополаскивала настоем ромашки, аккуратно расчёсывала, стараясь не повредить ни одного волоска. Даже красить не рисковала, хотя подружки ходили модные: и синие, и зелёные, и розовые, и сине-зелёно-розовые.

Зевая, Сашка натянула шорты и майку со смеющимся черепом, которого мама называла бедным Йориком. Из кухни доносилось позвякивание посуды и долетал запах сдобных лепёшек. Сейчас она лепёшечек поест!

Бабаня сидела за столом с чашкой зелёного чая. Её рыжие крашенные волосы шевелились от крутящегося вентилятора.

– Моя красавица проснулась! – просияла она и ласково пожурела: – Опять поздно легла, не поднимешь. Я уже второй раз завтракаю. Ешь, и за земляничкой пойдём. Соседка вчера ведёрко набрала. Варенье сварю, будешь зимой есть и меня вспоминать.

Сашка через силу улыбнулась, опустила глаза и помрачнела. Пить чай с душистым вареньем ей нравилось, а ползать по траве на коленках, собирая мелкую ягоду, – не очень. Да и зачем тратить время, когда всё можно купить?

Она невинно спросила, как бы между прочим:

– Бабань, а земляничное варенье продаётся?

– Клавка продаёт проезжающим, а в нашем магазине не бывает.

Саша доела лепёшку и взяла телефон:

– Продаётся, и очень много. Зачем столько времени тратить, если мама может купить?

Бабаня поджала губы:

– Хитрая ты, Сашуня, всё тебе купить. Денег не напасёшься, своё-то лучше и дешевле. Вот сколько стоит твоё варенье?

Сашка назвала цену.

– Вот видишь! – обрадовалась бабаня. – И баночка-то какая маленькая, а я кило сахара куплю и три таких банки сварю. Не бузи, порадуй бабушку.

Пришлось Сашке согласиться. Она собиралась неохотно, надела кроссовки, засунула в карман мобильник. От бабани это не укрылось.

– Оставь дома, – сказала она, – что ты его всюду с собой таскаешь, даже в туалет? Да огромный-то какой!

– Я фотографировать буду.

Бабаня не понимала. Для неё телефон – это штучка с кнопками. Раз или два в день позвонит и больше к нему не прикасается, а Сашка без мобильного как без рук, в нём вся её жизнь.

Земляничная поляна находилась недалеко за селом, всего-то пришлось пастбище пройти – и вот она. Маленькой, Сашка обожала собирать ягоду. Кидала больше в рот, чем в ведро, прямо с кустиков. И живот никогда не болел.

Вдалеке стеной стоял лес, перед ним зелёным ковром расстилалась поляна, и Сашка подумала, что надо притащить сюда мольберт с красками и попробовать нарисовать это изумрудное поле с едва проглядывающими алыми крапинками. Не зря ведь привезла с собой полную сумку бумаги, гуаши и акварели.

Сашка раздвинула траву и увидела резные листочки и ягоды, усыпанные мелкими семенами. Собирать землянику ей быстро надоело, мешали слепни и мошкара, и она бросила это занятие, едва ягоды закрыли дно пластикового ведёрка.

– Какая сладкая, – сказала бабаня, – ты попробуй.

– Я потом. Сфоткай меня!

Бабаня вытерла руки:

– Давай. Куда нажимать надо? Сашенька, ты бы надела кофточку красивую, голубую хотя бы. А это что за страсть? Черепушка лысая...

– А мне нравится!

Сашка рассмеялась, распустила волосы и сделала пальцами знак «виктория». Она позировала и стоя, и сидя, и лёжа в траве. Просмотрела снимки – супер! Сфотографировала кусты земляники, притаившиеся в траве, доверху наполненное бабанино ведёрко и выложила на свою страничку в интернете. Не прошло и нескольких минут, как посыпались комментарии, которые Сашка просмотрела с довольной улыбкой.

Справа у леса светлел увенчанный звездой мемориал с низкой оградой. На табличке было выбито: «Вечная слава павшим за освобождение...» – и имена. Сашка, озарённая идеей, подбежала, сфотографировалась, пролистала снимки со своей улыбающейся мордашкой на фоне обелиска и осталась довольна.

– Вечная им память... – вздохнула бабаня. – Наше село в сорок третьем освободили от фашистов. Как драпать стали, так сразу: «Гитлер капут, Гитлер капут».

– Откуда ты знаешь? Ты же после войны родилась.

– Ну так и что? Мне мамка моя всё рассказывала, она в оккупации жила.

Про оккупацию бабаня говорила и раньше. Сашка слушала, и ей казалось, что всё это случилось очень-очень давно, едва ли не тысячу лет назад, а поэтому и вспоминать не стоит. Ну было, ну прошло. Зачем ворошить, надо просто жить дальше. И обелиски эти... Лучше что-нибудь полезное построили бы, качели для детей, например, площадку с горками и турниками.

Бабаня положила на плиту веточки земляники:

– Царствие Небесное погибшим. Пусть порадуются... цветы в другой раз принесу.

Сашка фыркнула.

– Чего фырчишь? – покосилась бабаня.

– Им ничего уже не надо. Ни цветов, ни ягод.

– Надо. Это знак, что мы помним и чтим... Пойдём обратно, что ли, Сашуня? Ведёрки полные.

...Дома Сашка только устроилась посмотреть новое видео любимого блогера, как её позвала бабаня на кухню, перебирать ягоду от сора, травинок и веточек.

– А обязательно перебирать? – Со вздохом и недовольной гримасой Сашка поднялась с кровати.

– А как же. Не ленись, не ленись. Мать на тебя и так жалуется, что по дому не помогаешь. Уж бабке своей старой помоги.

– Ты не старая.

Она надела наушники, пристроила телефон к сахарнице, неохотно и медленно принялась перебирать землянику. Бабаня что-то сказала, Саша поняла это по шевелящимся губам.

– Что?

– Да девушка красивая, говорю, глазастая такая.

– Это парень вообще-то, – усмехнулась она.

– Парень? А губы накрашены, серьги в ушах. И ручкой вот так делает, как женщина.

Сашк, ты шутишь, что ли?

– Они все так делают... Баб, не мешай смотреть.

– Да-а-а... – протянула бабаня и покачала головой, – я удивляюсь... Куда катимся?

Она надолго замолчала, сердито высыпала ягоду в эмалированный таз. Время от времени Сашка чувствовала на себе внимательный и какой-то горький взгляд.

Видео закончилось.

– Баб, я устала. Можно я пойду?

– Знаешь, что я думаю? – тихо проговорила бабаня, как будто про себя. – Если война начнётся, вот эти накрашенные мужики пойдут нас защищать?

– Ну какая ещё война? – поморщилась Сашка.

– Какая... обыкновенная, на которой умирают.

– А зачем защищать? Лучше сдаться, чтобы никто не погиб.

У бабани опустились руки.

– Дура ты стоеросовая! Если бы в сорок первом наши сдались, тебя бы сейчас просто не было. Кривляешься, строишь из себя... Или из головы вылетело, как в оккупации жили?

– Мне об этом никто не рассказывал.

– Да что же ты врешь! – возмутилась бабаня. – Я не рассказывала или мать твоя не рассказывала? Тебя бы в оккупированный Курск отправить, чтобы посмотрела своими глазами.

– Ой, ну хватит! Вы с мамой как сговорились!

Сашка сунула в карман телефон, с которым не расставалась, бросила в сумку наушники и, кипя негодованием, выскочила во двор. Быстро пошла по улице.

Малахольная

– Здравствуй, Сашенька.

Тётя Наташа с хозяйственной сумкой уставилась на расстроенную Сашку. Та вымученно улыбнулась: «Здрассте...» – и поспешила убраться подальше от любопытной соседки.

Возле магазина стояла незнакомая девочка и крошила выющим у ног голубям брикетик сухой лапши. Птицы её с удовольствием клевали, к Сашкиному изумлению.

Ноги сами привели её к реке, где вразвалочку ходили по берегу белоснежные гуси. Сашка уселась прямо на траву, отпила глоток воды из пластиковой бутылочки, достала телефон.

– Лиз, прикинь, что сейчас было, – начала записывать она голосовое сообщение. – Я с бабкой поссорилась...

Никогда раньше даже в мыслях Сашка не называла бабаню бабкой, но сейчас ей, взвинченной, было не до дипломатии.

– Чего они все ко мне пристали? – жаловалась она. – И мать весь мозг вынесла, теперь бабка. Говорит, в оккупацию бы тебя... А что я такого сказала? Тебе везёт, Лизка, тебя родители не достают...

Крупный гусь вытянул шею и, тряся коротким хвостиком, переступая красными перепончатыми лапами, стал приближаться к Сашке. Та замолчала на полуслове.

– Ой, меня тут отвлекают. Потом договорю...

Гусак растопырил крылья и зашипел, Сашку как ветром сдуло. Вслед несло разноголосое «га-га-га», гуси издевательски смеялись над ней. Сашке стало неловко и стыдно: так позорно бежала из-за какой-то птицы! Посмотрела по сторонам – не видел ли кто? – но вокруг не было ни души. Она отряхнула шорты и с показной неторопливостью направилась за село, туда, где утром собирала ягоду. Всё равно куда идти, только бы не домой.

У мемориала всё ещё лежали веточки земляники. Сашка посмотрела на них, скривив губы, и вдруг с неожиданной злостью наступила кроссовкой и размазала по мраморной плите, будто ягода была виновата во всех бедах. Брезгливо вытерла подошву о траву, повернулась и пошла в лес.

Вот так, вот так! – колотилось сердце, перед глазами всё плыло и кружили светящиеся точки, дышать стало тяжело. Ей показалось, что воздух мерцал, как наэлектризованный.

«Солнечный удар», – решила Сашка. Остановилась, сделала несколько глубоких вдохов, и постепенно круговерть улеглась. Она выбрала ритмичную песню и приготовилась идти с музыкой, пританцовывая, но в наушниках зависла тишина. Пропал с экрана значок сети, и связи тоже не было.

– Замечательно! – расстроилась Саша, раздражённо убрала наушники в сумку и, кривляясь, передразнила маму: – «Есть там вышка, связь хорошая». Даже не позвонить теперь из этой дыры!

Ей показалось, что лес стал гуще и непролазнее. Ветки цеплялись за волосы, на голову сыпалась какая-то дрянь. Хватит, погуляла! Бабаня уже всё забыла, и не будет сердиться из-за ерунды.

Впереди блеснула река. Сашка хотела сделать крюк, чтобы не встречаться с противными гусями, однако сейчас их не было видно ни в воде, ни на берегу. Наверняка птиц прогнали те трое мужчин, которые купались, смеялись и выкрикивали что-то неразборчивое. Один из них, блондин, вышел из воды, и Сашка обомлела: он был голым, без плавок.

– Спятил... а если увидят? – пробормотала она и хихикнула: – Без комплексов чел. Ну, я тебя прославлю, звездой интернета будешь.

Сашка подкралась ближе, таясь за деревьями, выбрала удобное место и навела на купальщиков камеру, давясь смехом. Голый блондин вытирался полотенцем, повернувшись к ней лицом, как нарочно.

Сашка впервые видела этих людей, они точно были не местными. Скорее всего, какие-нибудь измученные пеклом туристы ехали мимо и решили охладиться. Свои, сельские, предпочитали купаться выше по реке: вода там была чище.

Блондин вытерся наконец и громко сказал по-немецки: «Хватит, пора возвращаться!» – и Сашка его поняла.

Несколько лет назад в школе ввели второй иностранный язык. Спорить с директором никто не смел, и Сашка с одноклассниками добровольно-принудительно ходила на уроки немецкого. Стоны, недовольство и жалобы на большую нагрузку учительницу не трогали. Стуча по зелёной доске мелом, она говорила: «Знания ещё никому не мешали, а нытики дополнительно к переводу выучат десять... нет, лучше пятнадцать слов».

Успехи в немецком у Сашки были немного выше среднего. Она легко запоминала слова, могла перевести текст и написать несложное сочинение о родном городе или о том, как провела каникулы, и считала, что делает большое одолжение. Кто сейчас учит немецкий? Да никто. Анахронизм какой-то.

Немцам в крошечной деревне делать было нечего, разве только старинную церковь осмотреть, и Сашка ещё больше укрепилась в мысли, что они просто ехали мимо, в Москву или Питер, например. Правда, машины не видно, ну и что? Могли в лесу оставить, в тени.

Между тем и два других немца вышли на берег, перекинулись с первым парой слов, называя его Паулем, подобрали с песка одежду и побрели по тропинке в чьм мать родила. Ничего себе! Неужели голыми в село пойдут? Сашка, страшно заинтригованная, пошла следом, держась на приличном расстоянии. Вот показался крайний дом, и какая-то женщина, наверно соседка тётя Наташа, прошмыгнула в калитку, возле которой стоял чёрный старый мотоцикл. А немцы шли себе, гоготали, разговаривали и не делали ни малейших попыток прикрыться.

Саша огляделась: кажется, она свернула не туда, не на ту улицу. Дом, который она приняла за дом тётки Наташи, оказался бедной хибаркой с соломенной крышей и побеленными стенами. Да есть ли в селе сейчас соломенные крыши? Сашка оглядывалась и видела чужие дома, грунтовую дорогу с колеями от шин, деревья, которых раньше здесь не замечала. Она нащупала в кармане телефон. Бабаня, конечно, заворчит, что наградили её внучкой, которая в трёх соснах плутает, но бросит все дела и выйдет навстречу.

Гудка не было, связь так и не появилась. Что вообще происходит? Сашка выругалась – ну а как тут сдержаться? – и в эту минуту бахнул хлопок, похожий на взрыв петарды, потом ещё один. Такими картонными гильзами любили забавляться мальчишки под Новый год. Некоторые обделённые умом нарочно бросали подожжённую петарду за спиной у какой-нибудь проходящей мимо женщины. Гремел взрыв. Проходяжая взвизгивала, крик и ругань стояли на весь район, а недоумки веселились... Но сейчас не Новый год, кому пришло в голову играть с петардами?

Улица была безлюдной, и Сашке стало не по себе.

«Надо вернуться к реке, а оттуда домой, – решила она и повернула назад. Дорогой несколько раз проверяла, не появилась ли связь, раздражённо цокала языком. Что за день сегодня!

– У-у, фрицы проклятые, всю рыбу распугали! – услышала Саша и увидела сквозь заросли рогоза подростка с удочкой, стоящего на деревянных мостках.

– Сап! – с улыбкой сказала она.

Мальчишка обернулся как ужаленный. Это был её ровесник или немного старше, рослый, симпатичный, загорелый, закалённый горячими ветрами. Такого не портили даже обноски –

старая рубашка с закатанными рукавами и мешковатые штаны. Впрочем, на рыбалку обычно надевают что похуже.

– Че...чего? – оторопел рыболов и уставился на Сашку широко раскрытыми глазами, очень красивыми, кстати, серыми, с яркими белками.

– Привет, говорю. Слушай, интернет есть? У меня ни связи, ни интернета.

Он нахмурился, посмотрел себе под ноги:

– Нету такого... наверно, эвакуировался.

– Зачётная шутка! – Сашка обиженно отвернулась.

– Эй, подожди! – донеслось в спину.

– Чего тебе?

– Ты зачем здесь ходишь? У тебя пропуск есть?

– А что, без пропуска нельзя? – презрительно бросила Сашка. – Может, ты меня домой непустишь?

– Ты беженка, что ли?

– Шиза! Я к бабушке приехала.

– А это у тебя зачем? – спросил паренёк и дотронулся испачканным пальцем до носа.

Сашка закатила глаза и простонала:

– О-о-о... Ты из какой пещеры вылез? Это пирсинг, для красоты... Скажи, направо – это короткая дорога до села?

Рыболов стал быстро сматывать удочки.

– Ага. Подожди, сейчас вместе пойдём. Всё равно не клюёт.

– Обломись, сама доберусь. Пикапер из тебя никакой! – задрала подбородок Сашка и быстро, чтобы приставала не догнал, зашагала по тропинке. Жаль, такой симпатичный парень, а дурак, и шутки у него дурацкие. Хорошо, что ума хватило тропу указать.

Через несколько минут выяснилось: ума не хватило. Она видела те же самые обшарпанные дома, пыльную дорогу, исполосованную колеёй. Связи по-прежнему не было, и Саша запаниковала. На автомате шла вперёд, озираясь по сторонам, и думала, что лучше всего будет постучаться в первую попавшуюся избу. Наверняка найдётся кто-нибудь нормальный, а не как тот рыболов.

Саша перевела дух и остановилась возле дома, крытого дранкой. Нащупала вертушку калитки, шагнула и остановилась, разглядывая аккуратный двор и пустую собачью конуру с прикреплённой скобочкой цепью.

Хлопнула дверь, и на крыльцо с ведром грязной воды вышла босая женщина, замотанная по-крестьянски платком, в просторной ситцевой блузке.

– Простите, вы знаете, где Анна Снегирь живёт?

Хозяйка вздрогнула, резко одёрнула подол подоткнутой юбки.

– Анна Снегирь? Не знаю такую. Да ты, наверно, селом ошиблась. – Лицо женщины в рамочке белой косынки разгладилось, смягчилось.

– А это как называется? – испугалась Сашка и, услышав ответ, расстроилась: получается, что она заблудилась. – Можно позвонить? У меня телефон не работает.

– Был телефон на почте, но теперь сама понимаешь... – вздохнула хозяйка, выплеснула грязную воду за ворота и вытерла передником руки.

– А мобильник есть у вас?

Она не успела ответить: из соседнего двора раздался женский крик, заполошное кудахтанье, а затем – несколько громких хлопков.

– Зайди в дом, – быстро сказала хозяйка.

– Я и здесь могу, мне бы только телефон...

Она крепко взяла за руку Сашку и потащила к крыльцу, нервничая и приговаривая:

– Да скорее... Вижу, что ты нездешняя, а немцы, они чужих не любят, им всюду партизаны мерещатся. «Аусвайс, аусвайс»... а нет аусвайса, так шлёпнут, и поминай как звали. Третьего дня четверых повесили.

Двое сумасшедших за такое короткое время – это чересчур.

– День открытых дверей в психушке... – пробормотала Сашка, споткнулась о высокий порог и едва не упала.

Не успела она осмотреться, как снаружи бухнула калитка, кто-то рассмеялся: «Гы-гы-гы!» – и послышалась каркающая немецкая речь. Хозяйка метнулась к окну и задёрнула занавеску, но Сашка успела заметить, что во двор вошли два человека с винтовками наперевес, и среди них тот самый Пауль, теперь он был одет в серо-зелёный китель, такие же брюки и пилотку – немецкую форму. Мороз побежал у Сашки по спине, будто холодный ветерок подул.

– Это прикол? – спросила она, и тут в сенях загремело: «Матка! Матка!»

– Прячься, живо! – зашипела хозяйка.

– Нет, вы скажите, это прикол?

– А ты как думаешь? Приколют штыком и не охнут, – сердито сказала она.

Распахнула дверцу старого рыжего шкафа, втокнула в его тесное нутро Сашку и бросила следом её сумку, всю увешанную большими круглыми значками. Поправила одежду и прошептала:

– Тихо сиди... Бог даст – не заметят.

Сашка не стала спорить, затаилась. В узкую щель между дверцами ей был виден только круглый стол, покрытый кружевной вязаной скатертью, и побеленная стена с женским портретом в раме.

«А вдруг я попала на какой-то квест с актёрами?» – подумала Саша. Она любила такие игры, и чем страшнее они были, тем увлекательнее. Вот хотя бы квест с маньяком на Лизинном дне рождения. Саша думала, что она не из пугливых, но сердце выскакивало и из горла вырывался визг, когда за спиной хрипело страшилище с топором в окровавленных руках.

Застучали сапоги, и резкий голос прокаркал:

– Матка! Шнапс, водка...

Сашка прищелкнула глазом к щели. Немцев она не видела, только хозяйку, нервно вытирающую руки о передник.

– Что вы, пан, найн водка, – зачастила она, – не гоним самогонку, не из чего.

– Плэх, – буркнул немец. – Брот... хлеб.

– Сейчас, сейчас, – закивала женщина.

– Респект, классно играет, – тихо засмеялась Сашка и едва не чихнула: одежда в шкафу, пропахшая чем-то едким, мешала и лезла в лицо.

Голоса удалились, теперь она едва разбирала почтительные слова хозяйки: «Пожалуйста, вот хлеб». Наконец всё стихло, и Сашка решила, что достаточно насиделась в темноте и нанюхалась этой противной отдушки для белья, выбралась из шкафа. Пригладила волосы и огляделась.

Комната была большой и очень светлой, со старинной мебелью. Стол окружали деревянные стулья, у окна стояла железная кровать с горкой пухлых подушек, этажерка с салфеточками и тёмный комод, над которым висело зеркало в широкой раме с резными завитушками, а рядом – календарь за тысяча девятьсот сорок второй год, с колонной танков и надписью: «Больше чугуна, стали, проката – больше оружия фронту!» Сашка восхищённо ахнула и немедленно сделала селфи: без фоток подписчики не поверят рассказу про уникальную игру.

О пол что-то звонко стукнуло – это с пальца соскользнуло серебряное тяжёлое кольцо, которое было ей чуть великовато. Так и потерять недолго! Саша подняла его спрятала в кармашек сумки.

Вернулась хозяйка.

– Что, напугалась? – спросила она подобревшим голосом.

– Чего тут пугаться? – пожала плечами Сашка. – Подумаешь, немцы! Это не маньяки с топором и не приведения. Знаете, какие я квесты проходила?

Хозяйка с сожалением покачала головой:

– Что-то я не пойму тебя, девка. Малахольная ты или непуганая? Ты откуда такая взялась?

– Из Курска, – буркнула Сашка.

– Да ведь в Курске немцы ещё раньше нашего... А звать тебя как?... Александра? Шура, значит. А я Антонина Петровна, тётей Тоней можешь звать.

– Тётя Тоня, на минутку выйдем из игры. Дайте, пожалуйста, сотовый. Я не сказала бабушке, куда пошла, она уже, наверно, валерьянку с корвалолом пьёт.

Хозяйка посмотрела с недоумением, и Сашку стали одолевать мрачные предчувствия.

– Какой это сотовый? Мёда у меня нет, улы мы не держим. Была у Михеича пасека, фашисты за неделю всю разорили, разграбили.

– Да я же серьёзно! – досадливо поморщилась Сашка.

– И я не шуткую. Ох, что война делает! Как малахольная... в рваном исподнем ходишь. То телефон тебе, то мёду...

– Угу. Как интернет появится, загуглю, что означает слово «малахольная».

– Да куда ты?

– Не провожайте, не надо... И не трогайте меня! Оставьте меня в покое!

Чокнутые! Сашка вырвала сумку и, гремя значками, бросилась во двор и там едва не столкнулась с... рыболовом с удочкой на плече. Так он здесь живёт! Яблоко от яблоньки...

Сашка фыркнула, как кошка, проскользнула в калитку.

– Эй, погоди, – донеслось вслед, – как твоего Интернета зовут? Может, я по имени вспомню.

Если бы она не успела отойти, то ударила бы нахала сумкой по голове за дерзость. Сашка ограничилась тем, что покрутила пальцем у виска, крикнула: «Отстань, шиза!» – и побежала по улице.

Ей давно хотелось есть и пить. Она нащупала в сумке бутылку воды, осушила её несколькими большими глотками и с досадой зашвырнула в чей-то палисадник. Отыскала завалявшуюся полупустую пачку картофельных чипсов и съела всё до крошки. И вдруг застыла, поражённая. За раздавленным, переломанным забором возвышались серые немецкие танки, как в военных фильмах, с крестом на боку.

– Ничего себе... – прошептала Сашка, – это уже не квест. Здесь кино снимают. Стопудово! Для съёмок и настоящих немцев пригласили.

Она приблизилась, вытащила из сумки телефон и запечатлела себя на фоне танка. Вот повезло! Вдруг её в массовку возьмут? Едва Сашка спрятала мобильник, как услышала сердитый окрик: «Хальт!» Из-за танка появился солдат в чёрной немецкой форме, с автоматом на плече.

– Стою. Здесь что, кино снимают? А как будет называться?

Она неосторожно сделала шаг вперёд, и артист почему-то занервничал, вскинул оружие.

– Цурюк!¹ – крикнул он.

Саша оглохла от автоматной очереди. Рядом с кроссовками ударили пули, взметнув фонтанчики пыли. Она завизжала и шарахнулась в сторону, упала, не удержавшись на ногах.

Солдат захохотал.

– Фройляйн, фройляйн! А! А! А! – И сделал бёдрами неприличные движения.

Сашка побежала, рыдая, и ей в спину неслись крики и смех.

¹ Назад!

Родня

Ночь была тихая, тёплая, словно бархатная, ни ветерка. Листья на деревьях застыли. Совсем рядом в воде квакали лягушки и сонно плескалась рыба. Сашка скорчилась на деревянных мостках, покачивалась, плакала и подвывала. Она пробралась сюда, едва дождавшись темноты, изнемогая от тревоги и усталости. В желудке было пусто, и Сашка жалела, что так неосмотрительно прикончила чипсы.

Она умылась и напилась воды из сложенных ковшиком рук, достала из сумки телефон: заряд аккумулятора – двадцать семь процентов, интернета нет, связи тоже. Прерывисто вздохнула и нажала значок диктофона.

– Тому, кто меня услышит... когда-нибудь. Меня зовут Александра Кравцова. Сегодня со мной произошло что-то ужасное...

Сашка подробно рассказала, как заблудилась во время прогулки, не забыла упомянуть парня-рыболова и хозяйку дома, которая прятала её в шкафу; пожаловалась, как человек в немецкой форме стрелял ей по ногам, холостыми патронами, конечно, но приятного мало.

– После этого я боялась идти по дороге, – всхлипнула она, – там всюду были немцы. И ещё не немцы – они говорили на неизвестном мне языке. Я пряталась в чьём-то огороде, потом улица опустела, я пошла по посёлку и увидела... – Саша вынуждена была на минутку замолчать, так сильно дрожал голос. – А потом наткнулась на этих людей... Их было четверо.

...Сперва она увидела лишь тёмные силуэты мужчин, стоящих с опущенной головой под каким-то странным сооружением, похожим на импровизированные футбольные ворота; с опаской приблизилась и тут разглядела верёвки, тянущиеся от перекладины, и в ужасе отпрянула. Казнённые висели со связанными за спиной руками, а на большой картонке крупными буквами на русском и немецком было написано, что этих людей повесили за связь с партизанами.

Ни за какие сокровища Сашка не решилась бы подойти ближе и убедиться, что это действительно трупы, а не силиконовые муляжи для кино. Во-первых, хотела оставить себе надежду, а во-вторых, неподалёку маячил солдат с оружием. До сумерек она пряталась в лесу, потом не вынесла жажды и вышла к реке. И зачем только выбросила пустую бутылку?..

– Я не понимаю, что происходит. В тупую фантастику я не верю. Это квест, только слишком жестокий. Похоже, на кону большие деньги...

Ну а что ещё, если не игра? Допустим, есть очень состоятельный человек, он решил развлечься. Арендował село и устроил там сорок первый год, да так, что всё реалистично. Сашка заблудилась и попала туда случайно. Никто же не знает, что она посторонняя... Или догадывается по одежде, но не хочет портить игру.

Зашелестел рогоз, и чёрная тень, сопя и цокая когтями по деревянному настилу, подбежала к Сашке.

«Собака», – с облегчением догадалась она, посветила экраном телефона и увидела белогрудую дворнягу. Та была настроена дружелюбно: мотала хвостом и тыкалась мокрым носом в ладони, всё ещё пахнущие чипсами. Сашка погладила собаку и разрешила себя обнюхать. Внезапно она подумала, что за собакой может прийти человек, и едва не спрыгнула в воду, когда услышала шорох и звуки шагов.

– Шура... – долетел тихий голос, – не бойся, это я, Борис.

– Какой Борис? – пролепетала Сашка и пригляделась: перед ней стоял уже знакомый рыболов, в кепке и наброшенном пиджаке. – А-а, это ты опять... Давно не виделись.

– Ты зачем убежала? Вот уж правда малахольная! – сказал Борис и присел рядом. Его плечо коснулось Сашкиного, и ей почему-то стало почти спокойно. Всё-таки не одна.

– Кто бы говорил, – с напускным недовольством проворчала она и отодвинулась.

– Это Пират тебя нашёл, он очень умный, хоть и обычная дворняжка. И нюх, как у пограничной собаки. На, держи. – Боря вложил в Сашкину ладонь что-то мягкое.

– Что это?... А-а, брелок!

Это был меховой белый кролик, которого она любила носить прицепленным к сумке. А Саша и не заметила, как потеряла его.

– А ты зачем меня искал?

– Мы думали, убили тебя, – после молчания проговорил Боря. – Мать услышала, как из автомата стреляют, и заплакала: «Это Шурку малахольную застрелили! На рожон лезла, не в себе девка». Ну, я сразу пошёл. Ходил, смотрел, своих спрашивал – никто не видел. Думаю, прячется где-то, надо темноты подождать... Ты есть хочешь?

Мысль о еде вызывала и голод, и тошноту одновременно.

– Не хочу. Ты можешь говорить серьёзно? Только без дурацких приколов, по чесноку.

– Чеснок дома есть, – не сразу ответил Борис.

Сашка взвилась:

– Стендапер недоделанный! Здесь кино снимают? Эти люди в немецкой форме – артисты?

– Да среди них всякие есть, может быть и артисты тоже, – шевельнулся Боря и сказал фальцетом, с неожиданной злостью: – Только, Шурка, людей среди них нет, это выродки, шакалё. Ненавижу! Таких только убивать надо. Я бы в партизаны ушёл, да мать жалко.

– Ну что за дичь... – простонала Сашка. – Ответь честно, не ври... поклянись, что не соврёшь.

– Ну, смотря что. Если спросишь военную тайну, то...

– Какой сегодня год? Это же не военная тайна!

Боря присвистнул.

– Это ни для кого не секрет. Третье июля, сорок второй год.

– Да ты гонишь!

– Кого гоню?

– Врёшь! Обманываешь! Говоришь неправду! – повысила голос Сашка. – Поклянись, что сегодня сорок второй год.

– Честное комсомольское.

– Дурак! Сейчас и комсомола-то нет.

– Если райком эвакуировался, это не значит, что я перестал быть комсомольцем, – блеснул в темноте глазами Боря и добавил мягче: – Шур, пойдём к нам, здесь опасно. Уже комендантский час.

– Подумаешь, – поджала губы Сашка. Ей ничего не оставалось, как согласиться.

– Вот здесь умывайся, – сказала хозяйка и кивнула на серый жестяной рукомойник с крышкой.

Сашка подёргала за длинный носик, недоумевая, почему не течёт вода.

– Не умеешь? Вверх толкай ладошкой... ну да, вот так.

Тётя Тоня усадила Сашку за кухонный стол, над которым тускло светила голая лампочка без плафона, и присела сама. Подвинула Сашке тарелку порезанной кружочками варёной картошки, политой маслом, отрезала ломоть хлеба.

– Не отыскала бабушку-то? – спросила она и подпёрла ладонью щёку.

– Не-а, завтра найду. Я посёлок плохо знаю, давно здесь не была, – ответила Сашка и мысленно прибавила: «Найду, когда закончится этот сумасшедший день».

– Поищи, – согласилась Антонина, – только в исподнем нехорошо по улице ходить.

Она скрылась в комнате и вернулась со старомодным светлым платьем в мелких бежевых ромашках.

– На-ка, примерь. Должно подойти, я раньше худенькой была.

Сашка от платья отказалась, даже в руки брать не захотела. Она и не помнила, когда последний раз носила платье.

– Не надо, спасибо. Мне так удобнее.

– В панталонах! – ахнула тётя Тоня. – Да и с дырками они у тебя, срамно смотреть.

«Ну и не смотри!» – с неприязнью подумала Саша, однако промолчала, прикусила язык. Нехорошо сидеть за чужим столом, есть чужой хлеб – и грубить.

Борис усмехнулся, надел кепку и направился к двери.

– Ты это куда, Борька? – всполошилась хозяйка.

– Надо мне.

– Я тебе покажу «надо»! Ну-ка вернись! В гроб мать загнать хочешь?

Антонина вскочила, закрыла дверь на крючок и намахнулась на Борьку полотенцем.

– Мам, мне четырнадцать лет! – крикнул он и, потоптавшись у порога, неохотно вернулся к столу.

– В том и дело, что всего четырнадцать. Ложись спать... и не смей мне, Борька!

Сашку уложили в маленькой комнате, наверно Бориной, где стояли две узкие железные кровати, письменный стол и полки с книгами. У неё гудели ноги и в голове был сумбур. Засыпала Сашка с надеждой, что завтра кошмар закончится, что она проснётся в бабанином доме и без промедления позвонит отцу, чтобы приезжал побыстрее, даже чай пить не станет.

Ночь показалась долгой. За окном кто-то ходил с гармонью, рвал мехи, кричал по-немецки: «Иди сюда, моя красавица!» – и Сашка ворочалась, проклинала про себя этот затянувшийся цирк.

...Она открыла заплывшие веки. В первую минуту ей показалось, что наваждение прошло. Маленькая комната была комнатой бабани, на кухне шумел чайник и бормотал телевизор. Саша выдохнула и села в постели, попыталась нащупать на табуретке телефон – и не нашла. Протёрла глаза. Увы, морок продолжался. На соседней кровати спал Боря, завернувшись в одеяло, только торчала голова с выгоревшими русыми волосами.

«Надо убираться отсюда, – подумала Сашка, – выйду на шоссе, поймаю попутку и поеду домой. Какая я дура, от страха совсем отупела. Ещё вчера надо было валить».

Её шорты с аккуратно заштопанными дырками лежали на стуле, а вот майку она не нашла. Бормоча ругательства, Сашка прикрылась простынёй и пошла на кухню, шлёпая босыми ногами.

– Проснулась? – улыбнулась хозяйка. – А я панталоны твои зашила и кофту постирала.

Сашке стоило большого труда сдержаться.

– И в чём мне теперь ходить?

– А в платье. Да ты не бойся, оно чистое.

Пыхтя от злости, она примерила перед зеркалом платье с ромашками. Оно оказалось впору, и при других обстоятельствах Сашка понравилась бы сама себе. Она запихнула в сумку шорты, включила телефон и с досадой положила обратно: экран мигнул и потух. Аккумулятор разрядился.

– Спасибо, тётя Тоня, за ночлег, – поблагодарила Саша. – Я пойду домой.

Пока она зашнуровывала кроссовки, хозяйка ахала, уговаривала остаться, пугала немцами, спрашивала про аусвайс.

– Да не нужен мне аусвайс, как-нибудь с этими клоунами договорюсь, – отмахнулась Сашка.

Тётя Тоня вздохнула:

– Дурная... Вижу, не удержать тебя.

На улице раздалась немецкая брань: «Шнель, шнель, русиш швайне!» Дверь распахнулась от удара сапога, грохнула о стенку. В дом ворвались трое: двое немцев, вооруженных автоматами, и невысокий мужичок в чёрном пиджаке и заправленных в сапоги широких брюках. На рукаве его белела повязка.

– На улицу все, быстро! – сказал он, морщась, как будто у него болели зубы, и цепким взглядом посмотрел на Сашку: – А ты кто такая?

– Племянница, Шурочка, – поспешно ответила Антонина. – А что случилось, Иван Захарыч?

Тот посмотрел и отвёл глаза, будто обжёгся.

Немцы вывели из спальни полуодетого Борю, и всех троих вытолкали на улицу, подгоняя прикладами в спину. Сашке больно ударили между лопаток.

– А поаккуратнее можно?! – взвилась она.

Во дворе сушилась майка со смеющимся черепом, одному из немцев она приглянулась. Он сорвал майку с верёвки, приложил к плечам и отшвырнул – слишком мала.

– Шнель, быстро!

Сашка видела, как отовсюду стогнали мужчин, женщин и детей на пяточок перед длинным бревенчатым домом, похожим на барак, с табличкой на немецком и русском: «Комендатура» и флагами со свастикой. Всё было очень правдоподобно: и рёв маленьких, и слёзы на грязных личиках и, самое главное, непритворный ужас. Немец грубо толкнул молодую мать с сыном на руках, и если бы не Сашка, то не устоять бы ей на ногах.

– Тише, тише, Ванечка... сейчас домой пойдём, кашку покушаем...

Сашка видела, как крупно дрожали руки женщины, когда она гладила белую детскую головку. Такой ужас не сыграешь, он был настоящим. У Сашки сердце упало и ослабли ноги.

Тумаками, тычками и ударами прикладов солдаты выстроили людей в неровный ряд. Из комендатуры вышел толстый человек с полным круглым лицом и бегающими глазами. Несмотря на тёплую погоду, он был одет в шерстяной костюм-тройку.

– Гаврилюк, староста... сволочь, бывший буржуй, – услышала Сашка шёпот, скосила глаза и увидела Бориса. Он сумел пробраться к ней.

– Сегодня ночью, – откашлявшись, начал староста, – неизвестные сняли с виселицы и унесли тела повешенных преступников. Господин офицер, – он почтительно повернулся в сторону холёного немца в фуражке с высокой тульей, – распорядился оставить казнённых в нази-дание другим. Господин офицер спрашивает, кто это сделал.

Прокатился вздох, и повисла гнетущая тишина. Офицер прищурился и велел перевести, что, если виновные не признаются, будет расстрелян каждый десятый. Даже со своим не особенно богатым знанием немецкого Сашка поняла смысл и задрожала как в лихорадке. Гаврилюк перевёл, запинаясь, и сразу же смялся ряд, заплакали и закричали женщины.

– Помилосердствуйте, господин офицер!

– Пан, сжальтесь!

– Будьте добреньки!

– Пожалейте наших детей!

Офицер что-то негромко сказал солдату. Тот отдал честь и быстро пошёл вдоль шеренги, отсчитывая: «Айнци, цвай, драй...» Молодая мать спустила ребёнка с рук и заслонила собой.

– Стойте... – прохрипела Сашка, – вы не можете так поступать... Отпустите меня, я здесь ни при чём, я должна вернуться!

– Молчи! Не рыпайся – застрелят! – Боря зажал ей рот ладонью.

Рука с грязными ногтями ударила Сашку в плечо на счёт «девять». Десятой была та самая женщина с ребёнком. Она и вскрикнуть не успела, как солдат выволок её из шеренги, быстро выхватил пистолет и выстрелил несчастной в голову. Самая настоящая, не бутафорская кровь

брызнула на землю. У Сашки подкосились ноги, а потом обрушилась пустота, словно в голове нажали кнопку «выкл».

...Саше снился сон, что она собирала полевые цветы: шалфей, васильки, тысячелистник. Солнце пекло макушку. Букет становился всё больше и больше, уже не помещался в руках. Ей хотелось окунуть лицо в этот цветочный сноп и вдохнуть пьянящий аромат. Она так и сделала, но с удивлением поняла, что букет пахнет отвратительно, чем-то химическим и резким. От этого запаха щипало в носу и першило в горле. Сашка завертела головой и замычала.

– Очнулась, – послышался чей-то голос, – убери нашатырь, Боря.

Через мутную пелену она увидела лица тётки Тони и Бори, посмотрела на свои руки, окроплённые чужой кровью, всё вспомнила и разрыдалась.

– За что, за что?!

– А ни за что, – отрезал Боря. – На, попей и успокойся. – Он зачерпнул воды из ведра и подал Сашке.

– Может быть... может быть, не стоило забирать... тела? – с дрожью в голосе спросила она.

– Они... партизаны не знали, что так будет. Очень жалко тётю Веру, Галю и дядю Мишу. Мы за них отомстим!

– Я тебе отомщу, мститель сопливый! – обозлилась тётя Тоня и так стукнула кулачком по столу, что подпрыгнула кружка. – Из дома ни ногой!

Борька усмехнулся:

– К юбке своей привяжешь?

– Понадобится, так и привяжу.

– А если немцев слушаться и соблюдать их правила? – всхлипнула Сашка.

– Ты с Луны упала или спала весь год? – сказал Борька. Получилось жёстко. Он и смотрел сердито, прищурившись. – После пяти на улицу не выходить – расстрел, если заночует посторонний – расстрел, за связь с партизанами – расстрел...

Сашка широко раскрыла глаза. Расстреливали за всё: за отказ работать, за попытку тушить пожар, если фашисты сжигали дома в деревнях, за то, что не выдал еврея или красноармейца, за грубость, за то, что набрал воду из колодца, из которого пьют немцы.

– А вообще, Шура, им повод не нужен, они могут убить просто так.

– Что же теперь делать?..

Неужели она останется здесь навсегда? Это неправильно и несправедливо! Должен быть какой-то выход отсюда: проход, портал, червоточина, нора... мост Эйнштейна и ещё кого-то там. Надо действовать, а не сидеть и терять драгоценное время!

Сашка вытерла слёзы и решительно встала.

– Ты куда? – забеспокоилась Антонина.

– Спасибо за всё, мне пора.

– Малахольная!

Скорее к мемориалу, именно возле него начались странности. Только бы получилось отыскать это место! Сашка выбежала на улицу и привычно повернула налево. И тут – она даже остановилась – поняла, что улица не такая уж чужая, а напоминает бабанину, как набросанный художником эскиз. Это обветшалый вид домов сбил её с толку. Сашка вспомнила, что название села раньше было другим, после войны его поменяли...

Стараясь никому не попадаться на глаза, прячась за чужими сараюшками, она пробралась на поляну, где ещё вчера собирала с бабаней землянику, и увидела нескольких женщин в наглухо повязанных платках. Выстроившись в ряд, они споро косили траву, срезанные стебли падали к их ногам. Немцев, к счастью, Сашка не заметила.

Нужное место она узнала по берёзе с тремя перевитыми стволами, про которую бабана говорила: «Смотри, Сашок, этой берёзе лет сто пятьдесят или больше». Это точно была она,

но ещё не такая высокая и раскидистая, какой знала её Сашка. Метрах в пяти стоял раньше мемориал.

Она отсчитала десять шагов, перевела дух и зажмурилась. Вчера на этом месте Сашка чувствовала себя нехорошо: кружилась голова, перед глазами всё плыло, дышалось с трудом, как после быстрого бега. Ещё бы, перемахнуть без малого восемьдесят лет.

Она приоткрыла глаза: ничего вокруг не изменилось. Сашка подумала, что надо ходить, а не стоять, и долго кружила на небольшом пяточке, пока её не спугнули грубые мужские голоса – это немцы прочёсывали лес в поисках партизан. Она метнулась в поросшую травой ложбину, затаилась там и долго не решалась покинуть своё убежище. Даже когда солнце поднялось высоко и женщины с косами ушли с поляны, Сашка не тронулась с места, погружённая в странное оцепенение. Идти ей было некуда. Она осталась совершенно одна. Сказали бы Сашке сейчас: «Хочешь умереть?» – она бы согласилась без сомнений. Зачем ей такая жизнь, танком раздавленная?

Мысль поискать бабанин дом немного оживила Сашку. Может быть, и даже скорее всего, там живут чужие люди, не её родственники. Мама говорила, что прабабушка пережила оккупацию, но где именно пережила – Сашка не помнила. Она медленно шла по улице, внимательно рассматривая дома слева и справа. Деревянные и саманные, с крышами из соломы или дранки, они мало походили на современные, перестроенные, красивые. Сашка пыталась найти что-то общее. Вот у этого дома чердачное слуховое окно точь-в-точь как у было соседей, у другого – знакомый мезонин, а у того, возле электрического столба раскорякой, высокий каменный цоколь и наличники на окнах с искусно вырезанными летящими птицами совсем как у баба-ниного дома. Как же Сашка раньше не разглядела!

Она остановилась. Во дворе на верёвке сушилось бельё: наволочки, простыни, рубашки, а среди них и её тёмная майка с черепом, ещё раз постиранная доброй хозяйкой. Да ведь здесь тётя Тоня живёт!

Сашка без стука вошла в дом. В кухне, у печи на низкой скамеечке, сидел Боря и строгал ножом деревяшку, белая стружка сыпалась на брюки и крашенные чистые половицы. Он мельком глянул и сказал, не прерывая работы:

– Я так и думал, что ты вернёшься. Заходи.

Сашка сбросила кроссовки, повесила на вешалку сумку и посмотрела на побеленные стены. Кухня была похожа на бабанину, если вообразить на месте печки плиту, а вместо старого буфета – угловой гарнитур.

– Антонина Петровна где?

Борька с ожесточением струганул палку и едва не порезался, дёрнул рукой.

– В поле, – неохотно объяснил он, – картошку и капусту выращивает для немецкой армии.

Сашка широко раскрыла глаза.

– Чего смотришь? Не будешь работать – саботаж, а за это расстреливают.

– А ты почему не работаешь на немцев?

Боря бросил на Сашку гневный взгляд:

– Меня пока не заставляют. И я не хочу фашистам прислуживать, лучше к партизанам убегу, буду нашим помогать.

– Борь, а как твоя фамилия?

– Одинцов, а что?

– Просто интересно, – пожала плечами Сашка. Фамилия ей ни о чём не говорила. – А где твой отец?

– Известно где, на фронте.

Она прошла в комнату и принялась разглядывать фотографии на стене, маленькие, чёрно-белые, в рамках за стеклом. На каких-то снимках она узнавала тётю Тоню, молодую и красивую, с косами.

– Борь, а твоего отца как звали?

– Почему «звали»? – откликнулся из кухни Борька. – Он жив, воюет.

– Ах, да. Прости.

– Александром его зовут.

– Александром... – эхом повторила Саша и тут заметила фотографию, которая показалась ей знакомой: Антонина, сидя на стуле, держала на руках пухлощёкого младенца, а рядом стоял высокий мужчина в рубашке со светлыми пуговицами, подпоясанный ремнём, в сапогах с длинными голенищами и фуражке с блестящим козырьком.

Эту фотографию, пожелтевшую от времени, Сашка видела в бабушкином альбоме. Бабаля тогда пояснила: «Это папка, это мама, а это мой брат Борис».

– Это отец, – послышалось за спиной. Боря указал кончиком пальца на мужчину рядом с тётей Тоней.

– А ребёнок – ты? – оглянулась Сашка.

– Ага. Любит мамка все фотографии на стены вешать, – улыбнулся Боря и добавил: – Счастье, что фашисты у нас в избе не остановились, выбрали дома побогаче, школу заняли и бывшие помещичьи усадьбы.

Выходит, Борька – Сашин дед, двоюродный дед. А тётя Тоня – прабабушка. Прикольно: внучка старше деда! Интересно, а Боря ещё жив в Сашкином времени? Было бы здорово заявиться к нему и сказать: «Сап, Боря! Помнишь, как мы в сорок втором году с тобой встречались?» Господи, только бы вернуться назад, больше ничего и никогда она не попросит!

Боря рассказал, как отступали русские солдаты, как он с матерью ходил рыть окопы, как эвакуировался сельсовет в полном составе. В село заявились буржуи – бывшие хозяева имений – и немцы, но не военные, а так, вроде буржуев. Сразу забрали коров, немцам на тушёнку. А через несколько месяцев Борька увидел на улице колонну танков с крестами.

Он помолчал и спросил:

– Шур, идти тебе больше некуда?.. Знаешь, оставайся у нас пока. Мамка против не будет, даже наоборот... вон она как переживает за тебя. А там и родню свою отыщешь.

Сашка вздохнула: родню она уже нашла, как выяснилось.

Просто фантастика

Ночь была душной. В приоткрытое окно залетали трели губной гармошки и пьяные голоса немцев, которые пели русскую песню про Волгу, немилосердно коверкая слова.

– Чтоб вам сдохнуть! – зло сказал Борька.

Застонали пружины кровати, он поднялся и закрыл окно – звуки стали тише. Боря повожился и вскоре засопел, а у Сашки весь сон пропал.

Уже несколько дней она жила у Одинцовых. Из дома почти не отлучалась, только бегала по утрам к трёхствольной берёзе на краю леса, каждый раз с замиранием сердца надеялась, что сегодня ей повезёт. Возвращалась подавленная, оглушённая, с красными от слёз глазами.

Бедная бабушка, бедные родители! Сашка чувствовала, как они мучаются от тревоги, может быть, даже думают, что её нет в живых, а это, в общем-то, почти правда.

– Я не хочу здесь умирать... – плакала Сашка.

Тётя Тоня присаживалась рядом, прижимала к себе Сашкину голову и тихо гладила по светлым волосам, как маленькую.

– Что ж ты всё время плачешь? Нельзя так, золотко. Вот наши придут и погонят фрицев, хорошо тогда заживём, лучше всех.

Прямо на другой день хозяйка велела собираться в комендатуру к старосте, регистрироваться. Сашке идти не хотелось.

– А это обязательно?

– Обязательно, тебя староста видел, – вздохнула Антонина. Глянула раз-другой и тихо спросила, показывая на нос: – А это вам всем цепляют? Вроде как метка?

– Кому «вам»?

– Ну вам, из больницы.

Сашка смотрела с недоумением, и хозяйке пришлось кое-что объяснить.

Зимой прошёл слух, что в одном селе недалеко от Курска, где находилась психиатрическая больница, фашисты отравили снотворным всех пациентов. Ещё живых людей сбросили в овраг и присыпали землёй. Некоторые больные не умерли, очнулись и выбрались из могилы. Таких медсёстры пытались спасти – прятали. Антонина решила, что Саша одна из таких выживших.

Сашка расплакалась. Её приняли за сумасшедшую, решили, что сбежала из психушки. А она ещё подумывала рассказать о себе правду! Теперь об этом не могло быть и речи: прабабушка Тоня получит ещё одно доказательство Сашкиного мнимого умопомешательства. Вот Борьке довериться можно. Борька молодой, начитанный, они нашли бы общий язык.

– Нет, тётя Тоня, я здорова, – вытерла глаза Сашка.

– А родители твои где?

Она думала всего секунду:

– Папа на фронте, мама пропала при бомбёжке.

– Вот горе-то, девонька! – воскликнула Антонина, и глаза её увлажнились. – А ты, верно, к бабке своей пришла, а её нигде нету? Ничего, ничего, не плачь, золотко. Жива она, эвакуировалась, точно говорю. Отпишется ещё, вот увидишь. Вечером погадаю тебе на картах. Балуюсь иногда.

Сашка вытащила колечко из носа, убрала в кармашек сумки.

– Волосы заплети и под косынку спрячь, – велела тётя Тоня.

– Не хочу, я так привыкла.

Она нахмурилась и после недолгого молчания сказала:

– Головой-то не трясись, а думай ею. Ты, Шурк, девка видная. Красота твоя никуда не денется, при тебе останется. Поберегись, ведь фрицы кругом. Платок, кофточку на плечи...

Сашка вспомнила, как напугалась, когда немец кричал ей: «Фройляйн, фройляйн!» – нашла в сумке резинку для волос и сделала пучок, завязала косынку под подбородком и вышла за тётей Тоней на улицу.

Все стены комендатуры были оклеены немецкими плакатами, агитирующими ехать на работу в Германию. Молодая женщина в переднике и косынке резала капусту под наблюдением фрау, улыбалась и призывала: «Я живу в германской семье и чувствую себя прекрасно». На другом плакате деревенский мужик в картузе доставал из чемодана шёлковое платье, а его жена восхищалась такому богатству, как будто ничего в жизни красивее не видела. «Борясь и работая вместе с Германией, ты и себе создаёшь счастливое будущее», – кричала крупная надпись.

– Мягенько стелют, – проворчала Антонина. – Пойдём, Шура.

Она обошла грузовик с крестами на дверях и потянула Сашку к широкому крыльцу под деревянным навесом. Они очутились в тёмном после улицы коридоре, прошли мимо распахнутых дверей просторного помещения, заставленного стульями, и Саша успела ухватить краем глаза сцену с кумачовым занавесом и фашистскими флагами. Она мысленно отметила, что стрекотание пишущей машинки похоже на звуки печатанья на клавиатуре, только гораздо звонче.

Староста сидел в кабинете за столом, покачивался на стуле, сложив на животе пухлые руки. Заметил посетителей, посмотрел недовольно, исподлобья.

– Ну, что у вас?

– Вот, – сказала Антонина и подтолкнула Сашку к столу, – племянницу привела, Шурочку. Сестры моей дочка.

– Хорошо, – кивнул Гаврилюк и достал из ящика толстую общую тетрадь. – Сколько лет?... Ты глухая?

Сашка вздрогнула и отвела глаза от плаката с орлом и свастикой.

– Пятнадцать.

– Метрика есть?

– Нету, Николай Ильич, дом разбомбило, какие уж тут метрики, – опередила тётя Тоня.

– Фамилия?

Сашка не побоялась назваться настоящим именем, ведь Александры Кравцовой ещё не существовало в природе. Гаврилюк аккуратно заполнил с её слов графы в тетради и махнул рукой: свободны.

Антонина торопилась на работу, и Сашка возвращалась домой одна. Немецкие танки всё ещё стояли в саду возле школы, неподвижные и грозные. Чуть поодаль, без кителей и рубашек, в одних брюках, умывались немцы. Вёдра с водой им приносили сельские мальчишки и взамен получали то ли хлеб, то кусочки сахара – Сашка не разглядела.

– Дядь, давай сапоги почищу! – предложил мальчуган лет семи.

Немец понял и кивнул.

«Есть среди них нормальные люди, я же говорила», – подумала Сашка. И вдруг чистильщик неосторожно испачкал ваксой ногу немца. Тот обругал его свиньёй и ударил кулаком в лицо. Мальчишка умылся кровью, свалился в грязь. Сашка опустила глаза, заторопилась поскорее покинуть опасное место.

Мысль, что надо поговорить с Борисом, не давала Сашке покоя. Но как начать? Здесь надо действовать издалека, мягко и с умом.

Удобный момент выпал вечером, когда Боря отдыхал в своей комнате с книгой. Сашка подошла к полкам, провела пальцем по корешкам книг.

– Ты любишь читать? – спросила она.

– Люблю. Все книги перечитал, и свои, и библиотечные. Ты читала «Аэлиту»?

– Не-а, мне как-то не зашло.

– А книгу «Голова профессора Доуэля»?.. А «Гиперболоид»?

Сашка смутилась, она ничего не читала, кроме книг по школьной программе. А что удивляться? Борькина жизнь совсем другая, пресная, скучная, без компьютера и телевизора. Даже обычного телефона нет, не говоря про мобильный. Что ему ещё делать, если не читать?

– Книги не любишь, а что любишь?

– Рисовать. Я хорошо рисую, – похвалилась Сашка.

– Да? А нарисуй что-нибудь. – Боря пошарил в ящике письменного стола, достал альбом и несколько простых карандашей.

– Мне хочется нарисовать твой портрет. Я с четвёртого класса в художественную школу хожу, в этом году заканчиваю... то есть должна закончить.

Сашка вырвала из альбома лист, подложила под него картонку. Набросала эскиз и принялась прорисовывать лицо. Всё же у Бори и бабани есть общие черты: высокий лоб, брови, разрез глаз.

– Боря, ты фантастикой увлекаешься?

– Ага, люблю. Интересно про будущее читать. Через сто лет люди на Марсе жить будут. Карандаш завис над рисунком, Сашка замерла.

– А ты веришь, что путешествия во времени возможны?

– Ну, если когда-нибудь придумают машину времени...

– А без машины? Учёные считают, что есть тоннели в пространстве.

Боря удивился и сказал, что Сашка сильно выросла в его глазах, что теоретически возможно всё, а на практике – пшик. А у учёных работа такая – делать предположения, они за это деньги получают.

– Боря, я могу доверить тебе секрет?.. Не шевелись, голову чуть вправо.

– Конечно.

Сашка кусала губы. Сейчас она скажет, что пришла из будущего, и Борька посмотрит на неё как на больную.

– Я лучше покажу тебе кое-что.

Она отложила карандаш и достала из сумки телефон, наушники, сторублёвую купюру и дезодорант – всё, что у неё осталось из прошлой жизни.

– Это мобильный телефон. Сейчас попробую включить.

Сашка давила кнопку и мысленно умоляла смартфон хотя бы моргнуть.

– Не включается, аккумулятор сел, а зарядника у меня с собой нет, к сожалению.

Боря повертел в руках телефон, постучал ногтем по экрану, хмыкнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.